

ПАРАБОЛА КАК ФОРМА ЖАНРОВОГО СИНТЕЗА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

В статье рассматривается притча о Блудном сыне как форма романной целостности. Прослеживается трансформация структуры евангельской притчи в «Обломове», ее наполнение индивидуально-авторской комбинаторикой мифопоэтических и архетипических мотивов. Акцентируется внимание на двух вариантах художественной интерпретации притчи.

Ключевые слова: *парабола, притча, жанровый синтез, мотив, идиллия.*

У статті розглядається притча про Блудного сина як форма романної цілісності. Просліджується трансформація структури євангельської притчі в «Обломові», її наповнення індивідуально-авторською комбіаторикою мифопоетичних та архетипічних мотивів. Акцентується увага на двох варіантах художньої інтерпретації притчі.

Ключові слова: *парабола, притча, жанровий синтез, мотив, ідилія.*

In the article is considered the parable about the Prodigal son as a form of novelistic integrity. The transformation is traced of structure of an evangelical parable in «Obломov», it's filling by individual and author's combination theory of mifopoetichesky and arkhетipichesky motives. The attention is focused on two options of art interpretation of a parable.

Key words: *parabola, parable, genre synthesis, motive, idyll.*

Параболичность определяет жанровый облик русского романа со времени его становления. Роман превращается в «зеркало мира», его образ в силу своей глубинной внутренней ориентированности на мифологическую модель воскресения человеческой души. Притча о Блудном сыне в романной структуре последовательно реализует данную мифологему, восходящую к древнему обряду инициации. Идея воскресения, перемены статуса, перехода от одного состояния к другому пронизывает сюжетику русского классического романа. Она становится жанрообразующей благодаря «оцеляющим» и «цементирующим» свойствам притчевой структуры. Жанр «Обломова» И. А. Гончарова, диалог идиллического и романного, организация хронотопа свидетельствуют о тяготении писателя к моделированию притчевых ситуаций.

Автор обращается к притче о Блудном сыне, однако в значительной степени видоизменяет ее структуру. Несмотря на существенную трансформацию притчевого канона, «жанр романа предполагает ту текстовую целостность, в которой более или менее адекватно «успевает» — в принципе — проявить себя и целостность мифопоэтического сознания» [9, с. 193]. Прежде всего изменяется соотношение между элементами структуры, т.е. между этапами духовного пути Блудного сына. И если в «Обыкновенной истории» мотив ухода — это отдельный этап эволюции Александра Адуева, имеющий четкую пространственную выраженность с явными библейскими аллюзиями, то в «Обломове» этот мотив едва лишь намечается. Здесь отсутствует то, что в цепочке последовательно сменяющихся друг друга эпизодов притчи соответствует так называемой «фазе обособления». Но, как отмечает В. И. Тюпа, «сюжетную задачу данной фазы способна решить предыстория или хотя бы достаточно подробная характеристика персонажа, выделяющая его из общей картины мира» [10, с. 45]. В романе И. А. Гончарова этой «предыстории» соответствует описание учебы Обломова и его службы в департаменте. В сущности, автор сразу переходит к воссозданию встречи с большим миром, в котором все идеальные представления о жизни оказываются перевернутыми наизнанку. Вскоре Обломов разочаровывается в пользе наук, а впоследствии увидит, что чиновники департамента проникнуты не семейным началом, а страхом перед столоначальником. Не имея четкого представления о цели собственной жизни, герой оказывается в состоянии неопределенности. Он уединяется в квартире на Гороховой улице, изолируясь тем самым от связей с внешним миром. Подобное состояние, по мнению М. Н. Виролайнен, ведет к перемене статуса, невозможной как «бессобытийный и бесконфликтный переход от одной определенности к другой» [2, с. 395].

Следует отметить, что Обломов в своем духовном развитии проходит мимо «падения», в ситуации которого оказывается Блудный сын в результате встречи с большим миром. Герою произведения оказываются чуждыми соблазны этого мира, поэтому он «никогда не отдавался в плен красавицам» и еще

«холоднее простился с толпою друзей». Неприятие внешнего мира, в частности петербургской среды, обусловлено созерцательной позицией Обломова.

И. А. Гончаров сосредоточивает свое внимание на воссоздании ситуации возвращения, представляющего собой сложный диалектический процесс, в основе которого «углубление в себя и постижение неизменных законов бытия... прохождение героя через испытания с последующим возвращением к истоку» [13, с. 153]. При этом сюжетобразующим в произведении выступает мотив поиска утраченного рая, каким для героя является Обломовка. Это место, в котором между людьми восстанавливаются родовые связи, основанные на принципе патриархальности. С точки зрения исследователя О. Г. Постнова, именно «поиск Божественной правды предопределил уже сознательное обращение Гончарова к проблеме земного рая, возможности осуществления высшего идеала на земле» [5, с. 62].

Возвращение героя к истокам, то есть к земному раю, является двояким. Во-первых это мнимое возвращение, в котором нарушается изоморфизм между желанием героя обрести утраченный «обломовский» рай и реальным петербургским пространством. Обособившись от окружающего мира из-за своего нежелания принимать участие в антигуманной деятельности современного общества, Обломов тем не менее находится в пространстве «чужого». Поэтому возникает противопоставление жизни целостной, гармоничной и суеты раздробленного петербургского мира с его «мышинной беготней взапуски» и «вечной игрой дрянных страстишек». Большой мир то и дело вторгается в замкнутое пространство квартиры Обломова то в виде гостей, представляющих различный род занятий, то в виде грубого Тарантьева, то в виде обстоятельств, требующих от героя активных действий (требование съехать с квартиры, необходимость уплаты долгов по счетам, а также мер по исправлению положения в Обломовке). Этому миру противопоставлен образ деревенского рая, изображенного в рассказанной Штольцу картине будущей жизни в Обломовке. Здесь возникает мотив жизни-пира, в котором реализуется тот идеал «покоя» и «мирного веселья», к которому стремится Обломов.

Следует отметить, что интерпретация образа пира в романе и притче нетождественны. В притче отец в честь возвращения сына устраивает пир, который символизирует радость обретения утраченного рая, возвращения к Богу. В мечте Обломова пир в значительной степени напоминает поэтическое произведение, в основе которого лежит философский диалог о конечности и ценности человеческой жизни. Однако это не отменяет сходства различных образов пира на архетипической основе, поскольку «в модель философского пира могут быть вмонтированы темы и мотивы христианского мира, актуализирующего семантику совместной еды и питья» [14, с. 8]. Отсюда возникающие в рассказе Обломова мотивы совместного чаепития и обедов. Присутствие этих мотивов в еще большей степени обнаруживается в изображении идиллических «реальностей» домика на Выборгской стороне, где герой и находит свое «пристанище». Совместная еда выступает здесь объединяющим началом, приближаясь тем самым к христианской интерпретации мотива единения душ в притче о Блудном сыне. Возникающие в притче радость и ликование означают прощение грехов и возвращение Блудного сына в отчий дом. Герой притчи прошел через испытания, став жертвой большого мира, а затем возродился, «был мертв и ожил, пропадал и нашелся». Таким образом, в евангельской притче акцент сделан на жертвенности, благодаря которой «воскрешаются утраченные духовные ценности, в том числе ценность братского пиршественного единения» [14, с. 8].

Подобно герою притчи, чей путь заканчивается возвращением в отчий дом через осмысление личной греховности, Обломов также достигает того идеала человеческой жизни, к которому он все время стремился. Под влиянием галлюцинации он отождествляет домик на Выборгской стороне с Обломовкой. А. А. Слюсарь в этой связи пишет: «Выражая патриархальную мораль, притча утверждает в качестве нормы обособленность среды, представленной прежде всего отчим домом. Он является средоточием целостности жизни, окружает же его большой, но дисгармоничный мир...» [6, с. 136]. При этом восприятие героем окружающего мира мифопоэтизируется: «грезится ему, что

он достиг той обетованной земли, где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре» [3, с. 381]. Эта «обетованная земля» представляет собой тот вариант земного рая, который, по мнению С. С. Аверинцева, связан с «идеей освящения вещественного телесного начала» [1, с. 376]. В связи с этим справедливым представляется мнение о «патриархальной мифе как безусловном стволе романа» [12, с. 578]. Главным объектом пристального внимания Обломова становится Агафья Матвеевна Пшеницына, в которой подчеркивается простонародное чувственно-телесное начало. С точки зрения Е. Г. Эткинда «простонародный женский образ томил Обломова всю жизнь», поэтому «брак с Агафьей — осуществление давней, загнанной в далекое подсознание, чувственной мечты» [15, с. 127].

Вместе с тем Пшеницына под влиянием Обломова приходит к осмыслению духовных сторон собственной жизни. Оказывается, жизнь в последние семь лет «проиграла» и «просияла» благодаря присутствию в ее судьбе Обломова. После смерти Обломова Агафья Матвеевна переживает этап душевного перерождения. Она переходит от бурной хозяйственной деятельности к созерцательному отношению к жизни, поскольку осознает, что «Бог вложил в эту жизнь душу и вынул опять... но зато навсегда осмыслилась и жизнь ее: теперь уж она знала, зачем она жила и что жила не напрасно» [3, с. 375]. Кстати, этот мотив внутреннего преображения героини наметился еще ранее, в тот момент, когда Пшеницына, безропотно принимая от Обломова поцелуй, простодушно видит в этом проявление любви к ближнему и всепрощение, имеющие место во время праздника Пасхи. Говоря о пасхальности как об архетипе всей русской литературы, И. А. Есаулов особенно выделяет мотив пасхальных поцелуев, символизирующих единение в результате осознания и прощения чужого греха, а значит, и возможность воскресения. С точки зрения этого ученого возвращение Блудного сына в отчий дом является производным от мотива пасхального воскресения: «сюжет о Блудном сыне хотя бы потому вырастает из евангельского зерна, что герой его действительно воскрес...», то

есть возникает «...чувство собственной греховности, только и дающей надежду на воскресение» [4, с. 45–46]. Причастность к духовному воскресению Обломова подтверждается и тем, что, по словам В. И. Холкина, это «образ архетипический и выявляет особую глубинную целостность русского фольклорного и религиозного самосознания» [12, с. 578].

Если Обломов, уяснив для себя смысл человеческого существования, находит успокоение в доме Пшеницыной, то Штольц, наоборот, не подчиняется «монотонности жизненного цикла» [8, с. 261], устремляясь к линейному движению. Соответственно его оценка обстановки дома на Выборгской стороне тождественна хронотопу выморочного места. Отсюда — символика низа, противопоставленного верху. Обломова, окруженного «грязным», «удушливым» бытом мещанского дома, Штольц пытается спасти, указывая ему другой путь («Вон из этой ямы, из болота, на свет, на простор, где есть здоровая, нормальная жизнь!»). Возникает мотив устремленности к будущему («Прощай, старая Обломовка!»), который является производным от мотива дороги, актуализирующегося в изображении жизни Штольца.

Его жизнь также в значительной степени напоминает путь Блудного сына. Однако реализация сюжета притчи в интерпретации жизненного пути Обломова и Штольца во многом отлична. Если обломовцы видели лишь внешнюю выгоду просвещения и отправили своего сына в Петербург неподготовленным, в результате чего встреча героя с большим миром оказалась драматичной, то отец Штольца дал сыну практическое образование, приготовив его ко всем сложностям жизни. Отправляя сына в Петербург, Иван Богданович Штольц придерживался канона. Он тоже был отправлен своим отцом на все «четыре стороны», исполнив в конце концов свое предназначение. Наличие цели в жизни характеризует и Андрея. Но в отличие от представителей своего рода, он не мастеровой, не просто представитель своего сословия. Андрей Штольц, «выламываясь» из бюргерской среды, проявляет самостоятельность мышления, в результате чего вместо «узкой немецкой колеи» ему открывается «широкая дорога».

Мотив ухода из родного дома находит четкое композиционное выражение в сцене прощания с отцом и соседями. Уход в данном случае сопряжен с «неожиданностью предстоящего пути», сопровождаясь «полной утратой прежнего положения, равной утрате самоидентичности, а потому и следующая затем фаза пути должна быть лишена заведомой определенности» [2, с. 395]. Поэтому с точки зрения соседей, представляющих патриархальное сообщество, отец проводил сына, «точно котенка выбросил на улицу». Но в отличие от героя сказки, попадающего в мифическое пространство и переживающего инициацию, «путь» Штольца связан скорее с изменением его нравственного статуса. Отсюда — сходство с героем притчи, пространство которого «проникнуто нравственной оценкой» [6, с. 136]. Ведь изображено преобразование «человека идиллии» в романическую личность. Этим обусловлен иной характер «соотношения между домом и миром», в результате чего «мифологическая структура сменяется идиллической» [6, с. 136]. Именно идиллия имеет ведущее значение в становлении героя романа. Вместе с тем притча, как пишет В. И. Тюпа, является «прозрачной парафразой обряда инициации», предполагающего «выделение индивида из общины и возвращение в нее в новом качестве, осмысляемое как смерть и новое рождение — преображение» [10, с. 138].

Встретившись с большим миром, Штолец оказывается в нем «своим». Он не противопоставляет себя окружающему миру, а сразу включается в его деятельность. В отличие от Обломова, никогда не покидавшего Россию и знакомившегося с европейской культурой только по книгам, Штолец по настоящему приобщается к бытию человечества, ибо он не только «видел Россию вдоль и поперек», но и «выучил Европу как свое имение...»

Будучи сторонником общественного прогресса, Штолец всяческим образом отрицает идею возврата к прошлому, потому что, по его мнению, «старая Обломовка отжила свой век». Этим объясняется выраженность мотива ухода, обособления от домашнего мирка, ведущего к постоянному движению вперед. В. И. Холкин, сопоставляя встречу с большим миром Об-

ломова и Штольца, отмечает следующее: «Штолец, начавший путь экзистенциально — то есть вытолкнутым, выброшенным в открытый непреднамеренный мир, — осваивает его критически и практически разумно, применяя способность дела, способности способов...» [11, с. 43]. Однако на самом деле это движение оказывается иллюзорным, поскольку герою «незачем и некуда возвращаться, он явно обречен проваливаться в некую дурную бесконечность, представляющуюся ему движением вперед, прогрессом» [13, с. 256]. В финале произведения Штолец не в состоянии объяснить природу недуга Ольги, призывая ее смириться с непостижимостью бытия. Вместе с тем в его жизни намечается свой вариант возвращения с той лишь разницей, что, в отличие от Обломова, Штолец возвращается «не к истоку, не к Отцу, а лишь к самому себе» [13, с. 257]. Этот вариант возвращения оказывается возможным благодаря осмыслению героем судьбы Обломова, в связи с чем повествование обращается вспять. В нем намечается новый цикл, предполагающий ретроспективный взгляд на судьбу Обломова. Штолец рассказывает некоему литератору историю жизни своего друга, становясь тем самым на позиции рефлектирующей личности, осмысливающей свою жизнь в непосредственной связи с философией Обломова. Как считает В. И. Холкин, этот «писательский прием Гончарова обнаруживается вдруг и заставляет повернуться вспять, в обратный путь, к самому истоку, неторопливому, почти эпически спокойному началу.. Подспудный, смысловой сюжет романа — это сюжет медленно убывающей ясности и стремительно прибывающей загадочности в понимании Штольцем как Обломова, так и самого себя и непростых, оказывается, отношений и с Ильей Ильичем, и с жизнью в целом» [11, с. 41].

Таким образом, мотивы ухода и возвращения в романе «Обломов», зеркально отражая друг друга, являются сюжетообразующими. Обратившись к параболе, в частности, к такой ее разновидности, как притча, И. А. Гончаров тем самым расширил рамки художественной целостности, сообщив ей при этом универсальность и всеохватность. А. А. Слюсарь, исследуя формирование на основе художественно-параболических

жанров разновидностей романа, пишет о том, что притча наряду с мифом и сказкой является «формой, в которой в романе осуществляется синтез» [7, с. 140]. Поскольку в центре романа И. А. Гончарова находится судьба Обломова, автор в большей мере разрабатывает мотив возвращения к «истокам», представленным патриархальным мироустройством. В свою очередь, мотив ухода доминирует в изображении жизни Штольца, приходящего в итоге также к возвращению, но не к патриархальности, а к обломовской философии жизни как таковой. Правда, это возвращение лишь намечается. Отсюда — исповедальность, проникновенный лиризм финала произведения...

С точки зрения организации пространства в романе «Обломов» мотивы ухода и возвращения в равной степени отражают динамику внешних форм жизни, ее противоречивую целостность. Поэтому роль и функции притчи о Блудном сыне заключаются в том, что она «организует хромотопический комплекс, цементирующий художественное целое» [9, с. 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь / С. С. Аверинцев // Собр. соч. — К.: Дух і літера, 2006. — 912 с.
2. Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности / Виролайнен М. Н. — СПб.: Амфора, 2003. — 503 с.
3. Гончаров И. А. Обломов / И. А. Гончаров. — Л.: Наука, 1987. — 695 с.
4. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / Есаулов И. А. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
5. Постнов О. Г. Кризис гуманизма в творчестве И. А. Гончарова / О. Г. Постнов // Сиб. отд-ние РАН. История, филология и филология. — Новосибирск, 1992. — Вып. 2. — С. 58–64.
6. Слюсарь А. А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь: Опыт жанрово-типологического анализа / А. А. Слюсарь. — Киев; Одесса: Лыбидь, 1990. — 189 с.
7. Слюсарь А. А. О жанровых разновидностях русского романа XIX века / А. А. Слюсарь // Проблемы сучасного літературознавства. — 1999. — Вип. 4. — С. 135–142.

8. Строганов М. В. Странствователь и домосед / М. В. Строганов // Литературоведение как человековедение: Работы разных лет / М. В. Строганов. — Тверь: Золотая буква, 2002. — С. 257–276.
9. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. — М.: Прогресс — Культура, 1995. — 624 с.
10. Тюпа В. И. Аналитика художественного. Введение в литературоведческий анализ / В. И. Тюпа. — М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. — 192 с.
11. Холкин В. Н. Русский человек Обломов / В. И. Холкин // Русская литература. — 2008. — № 5. — С. 36–68.
12. Холкин В. И. Илья Обломов в «обратной перспективе» // *Sub specie tolerantiae*. Памяти В. А. Туниманова / В. И. Холкин. — СПб.: Наука, 2008. — С. 574–588.
13. Чернов А. В. Архетип Блудного сына в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / А. В. Чернов. — Петрозаводск: ПГУ, 1994. — С. 151–158.
14. Шишкин А. К литературной истории русского симпозиона / А. Шишкин // Русские пиры. Альманах «Канун»; [Под ред. Д. С. Лихачева]. — СПб.: Открытое общество, 1998. — С. 5–39.
15. Эткинд Е. Г. И. А. Гончаров / Е. Г. Эткинд // Психопоэтика. «Внутренний человек» и внешняя речь. Статьи и исследования / Е. Г. Эткинд. — СПб.: Искусство-СПб, 2005. — Т. 4. — С. 104–149.